

Университет как порождающая реальность номинация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эволюции университетской номинации от ее средневекового открытия к современному состоянию. Само слово *universitas* прошло несколько стадий в смысловом развитии. Изначально оно обозначало рядовую городскую «корпорацию», а сама «корпорация магистров и школяров» по сути своей мало отличалась от других городских цехов. Более того, университет институционально выстраивался, подражая городским хозяйственным корпорациям, в частности трехступенчатой внутренней иерархии. Университет времени простого модерна (классический, гумбольдтский) сохранил со своими прообразами лишь метафорическую связь, по-прежнему считая себя корпорацией, но не являясь ею сущностно и формально. В эпоху высокого модерна университет превращается в легкую номинацию, приемлемую в целях символического самонаименования. Вторая четверть текущего столетия может стать временем повсеместного становления нового типа институции, название которой составлено из двух семантических компонентов – «устойчивый университет» – адекватно отвечающий на вызовы времени и гармонично сочетающийся в себе разные публичные миссии.

Ключевые слова: университет, университетская корпорация, «устойчивый университет».

Sermo generatur ab intellectu, et generat intellectum.

*Дискурс порождается мышлением и порождает мышление*¹.

Пьер Абеляр. Христианская теология (1123 г.)

¹ Общепринятая версия перевода этой фразы Абеляра: «язык порождается мышлением и порождает мышление». По сути, такой перевод вполне корректный, однако уводит нас от смысла, который, как кажется, хотел выразить Абеляр. Безусловно, он имел в виду не просто «язык» (*lingua*), как повседневную коммуникацию, и даже не «речь» (говорение), что тоже правомерно было бы в таком переводе, а нечто более логическое, смысло-содержащее и, наконец, синтезирующее знание и веру. Абеляр, ведь, был концептуалистом. И поэтому, мне кажется, что современное слово «дискурс» более отвечает духу и мыслительному замыслу Абеляра, несмотря на очевидную терминологическую модернизацию, да простит меня главный эксперт по Абеляру, С.С. Неретина, за проявленную выше лексическую вольность. И не стоит забывать, что словом «*sermo*» вдобавок обозначалось еще логически связанное публичное обращение духовника к пастве, то есть собственно христианская «проповедь». В таком качестве, кстати, оно и закрепилось во многих современных европейских языках.

Если бы средневековому схоласту, участвовавшему в жарких спорах номиналистов и реалистов, предложили ответить на *вопрос о значимости имени «университет»*, то, скорее всего, он бы не узрел в такой постановке вопроса предмета для рефлексии, а тем более, дискуссии. Не говоря уж о том, что само понятие «университет» в те времена еще не связывалось с высшим образованием в нашем понимании (XI-XII вв.). Главное внимание философов и теологов тогда было сосредоточено на прояснении смысла самой категории «универсалия», еще не связанной с образовательными практиками. Термином *universalis* обозначались лишь общие понятия. Сторонники реализма (от латинского *res* – вещь) исходили из того, что общие понятия (универсалии) реально существуют независимо от внешнего мира, как они тогда писали – то были вещи «до» и «после». Их противники – номиналисты – напротив, видели в универсалиях лишь чистые «наименования» вещей (от латинского *nomen* – имя), которые существовали и предшествовали самим понятиям.

***Средневековый университет:
путь от nomen'a к institutio***

Однако именно XI-XII вв. в Западной Европе стали временами вполне бурного, даже по нынешним меркам развития образования и, прежде всего, частного. Создавались приватные школы (*scola*), а магистры свободных искусств (как независимые и территориально высоко мобильные «учителя») открыто и публично занимались просветительно-образовательной деятельностью, набирая себе учеников там, где им хотелось, и вещая то, что они считали важным и нужным. При этом, правда, сами слушатели в правовом смысле выступали в качестве «нанимателей», составляя коллективные договоры с магистрами, регламентируя гонорары и помещения для учебных аудитории. Между магистрами нередко шла жесткая конкурентная борьба за школяров и общественное признание, поэтому частные практики легко иницировались и внезапно прекращались, не получая дальнейшего институционального развития. Разумеется, большая часть этих школ существовали при духовных учреждениях и отчасти курировались канониками, таковы были особенности тех далеких образовательных «правил», и все же они не могут считаться просто церковными, но очевидно были уже чем-то большим. Скорее, их можно трактовать как мобильные и весьма неустойчивые философско-теологические школы, которые, разумеется, абсолютно далеки от более поздних и, тем более, современных университетских образцов [4]. Отсутствие генерирующей практики и родовой номинации закрывали перед ними институциональные перспективы. Партикулярное

образование топталось на месте, нужен был какой-то особенный толчок для прогресса. Им стала лексико-правовая категоризация прото-университетов. Движение пошло как бы – *от Слова к Делу*.

Первые университетские корпорации складывались с известным отставанием от частных школ, весьма эмерджентно и нередко на месте старых школ. Высшее образование (*stadium generale*) лишь постепенно выходило из-под жесткого церковного контроля и обретало близкий классическому типу автономный статус, открытый для учителей и учащихся всех наций. Разумеется, богословие в таких «генеральных» школах оставалось сердцевинной всего содержания этого образования, но относительно свободные философские споры и открытые дискуссии довольно быстро превратились в «институциональную» норму. Сам факт долгого существования академического теолого-философского спора номиналистов и реалистов говорит в пользу наступивших уже в XII веке, безусловно, новых времен.

Высшее образование, если позволительно будет так обозначить совокупную университетскую форму той эпохи, больше искало защиты у светских властей, хотя при этом открыто не вступало в конфронтацию с католической церковью. Она в свою очередь все реже напрямую вмешивалась в дидактику, но при этом довольно часто и грубо вторгалась в процесс академических противостояний. Отчасти ей удавалось сохранять за собой роль высшего теологического арбитра и в том числе, абсолютного монополиста на философскую истину. Утверждению этих новых принципов в образовании способствовали «университетские суды», в буквальном смысле каравшие «отступников» от нормативных знаний и веры.

Впрочем, не будем увлекаться излишним историческим схематизмом отметим лишь одно важное для нас обстоятельство становления университетов в Европе: само понятие «университет» относительно позднее, а его институциональное наполнение прошло сложный и долгий путь. По крайней мере, первый университетский «век» спокойно обходился без этой родовой номинации. Как же это понимать: протоуниверситеты по факту – существовали, а общее понятие не было еще в ходу? Именно так. И этот исторический факт чрезвычайно важен для понимания последующей и, в особенности, сегодняшней ситуации в развитии высшего образования. Практика и номинация – дивергентны, подпитывая «фактами-аргументами» реалистов и номиналистов одновременно. Не лишне вспомнить, что и термин «*alma mater*» вошел в обиход только с XIV века.

Известно, что изначально словом *universitas* обозначались любые сообщества людей, связанных взаимной присягой друг с другом (*corpus*). Прежде всего, это были ремесленно-цеховые корпорации.

То есть объединения относительно горизонтального типа, не предполагавшие, как во многих других случаях, строго вертикального господства и подчинения. «Университетом» именовалась, впрочем, и вся городская коммуна (*universitas civium*), не говоря уже о специализированных производственных корпорациях, которые в свою очередь входили в ее состав.

И лишь только с течением времени термин *universitas* закрепился исключительно за одним особым типом сообществ, включавшим в себя всех членов именно образовательных корпораций [2]². Именовались они в строгой привязке к месту, например, «университет магистров и школяров города Парижа». Так, лишь к середине XIII века можно говорить о сложившейся сети таких университетов в Европе, ставшей поистине институциональной системой *studium generale*, то есть *всеобщей высшей школой* по тем временам вполне еще интернационального и «открытого» Запада [3]³. По сути, все они стали продуктом двойной корпоративности, то есть *учебной корпорацией при городской корпорации*.

Такой университет преследовал двойственную миссию - обучение и присуждение степеней. Да, именно присуждение степеней, как своего рода сертификата подтверждающего одновременно квалификацию выпускника и соответствующие из нее будущие права для него. *Licentia ubique docendi* – право «преподавать повсюду» (лат.) – действительно, представляло собой аналог современной лицензии на дальнейшую практику, то есть на обучение других. При этом важно подчеркнуть, что эта лицензия должна была признаваться повсюду в христианской Европе, поэтому все университеты так были заинтересованы во всеевропейском единстве. Эти полномочия каждому университету гарантировались в свою очередь властью, выдававшей им «сертификаты» об их основании и правах. И поэтому «не признать полноценность университетской ученой степени значило бросить вызов этой власти» [3, 544].

² Историки полагают, что университетская корпорация была внутренне организована как типичная цеховая единица. «Ученое ремесло» облекалось в похожие регулятивные формы, а университетская градация (школяр-бакалавр-магистр) была калькой с ремесленной иерархии «ученик-подмастерье-мастер» [2, 3].

³ Весьма часто «сообщества магистров» – в силу особенной открытости интернациональной Европы – составляли люди пришлые из разных мест. Поэтому, воспринимались «общинной чужеземцев», не прививавшихся ни к одному месту. И тогда они перемещались из города в город в поиске более комфортных условий, создавая удивительный прецедент «мигрирующего» университета, не получивший дальнейшего развития в новое время.

Такой властью изначально было папство, именно Ватикан выдавал легитимизирующую университетскую грамоту, наподобие рукоположения епископом священников. Но постепенно эти полномочия стали переходить к светским властям. Прозорливая и «продвинутая» светская власть поэтому изначально была заинтересована в «своих» университетах, ибо это позволяло ей считаться и восприниматься «кузницей» локальных интеллектуальных кадров [подробнее: 1]. Таким образом, именно родовая номинация породила современную институциональную практику.

При этом сами университеты сохраняли довольно большую независимость от властей. Они наделяли себя самыми хвалебными и громкими эпитетами, подобно «хранителям ключей от христианства». Все это, конечно же – метафоры, но их значение было отнюдь не только символическим, и работали они не только на повышение репутации и престижа. Эти метафоры *творили институциональную реальность* [3].

Что это означало? Излучая во внешнее пространство подобные семантические потоки и прививая современникам мысль о своей институциональной уникальности, они, с одной стороны, укрепляли положение университетов в европейском обществе, а с другой – создали важнейший прецедент в западной истории в виде учреждения *университета как главного, может быть, отчасти и – единственного инструмента легитимации истинного знания, обладающего правом на самоконтроль и самоорганизацию своего внутреннего социального мира через свои цеховые статуты.*

Именно таким специфическим образом завершился процесс первоначального становления европейского университета: в его генетическом восхождении от номинации к институции. Иными словами, именно *Имя сделало университет подлинным социальным фактом.* Нельзя сказать, что университет стал «идеальной» институцией. Уже гуманисты раннего Возрождения критиковали его за укоренившуюся в его стенах псевдонауку, лицемерие магистров, неупорядоченность во внутренних делах и чрезмерность в общественных привилегиях. Но университету не суждено было стать анахронизмом, его исторический путь, пожалуй, самый долгий в мировой институциональной истории.

***Современный университет:
одна номинация – две реальности***

Но пропустим несколько веков истории и мысленно переместимся в конец эпохи Просвещения, когда средневековый университет либо совсем приходит в упадок, либо институционально трансформируется в более современный тип образовательного учрежде-

ния. С тех пор он называется по-разному: классический, национальный, исследовательский, гумбольдтовский, его зарождение связано с закатом средневековой схоластики и торжеством рациональной науки в Европе.

В 1808 году Ф. Шлейермахер издает свою революционную по тем временам книгу об обновленной «идее» немецкого университета [5]. Он решительным образом извлекает университет из городской коммуны и переориентирует его телеологию на цели национально-государственного строительства. Речь у него шла именно о задачах выработки национально-консолидирующего и внятного языка науки и образования, работающих на задачи государственного контроля и управления обществом. Можно сказать, что именно с тех пор мы четко указываем на первую и вторую функцию университета (обучение и исследования) благодаря тому, как отчетливо он их сформулировал. И если Шлейермахер не выражал свои идеи лексически буквально таким образом, тем не менее именно он впервые вывел из номинации «университет» всю его современную миссию и прагматику. Точнее, его *всеобщность и универсальность* в философско-герменевтическом плане. К слову сказать, во всех странах пользуются средневековым термином *universitas*, словно забыв о его изначально корпоративной сущности, в то время как в современных Афинах университет, основанный в конце XIX в., назван «Panepistímio» с явным намерением подчеркнуть всеобщность знания, пренебрегая исконным значением автономной общности.

Развивая мысли Монтескье и Руссо об «общем духе наций», Шлейермахер дополнил их концепцией «божественной идеи человечества» и в итоге развил теорию современного университета, основанного на понимании равноценности народов и их языков, вытекающем как из всеобщности человеческой природы, так и многообразия форм выражения идеи бесконечности божественного творения человечества [5, 6]. Речь у философа-романтика Шлейермахера шла о возрождении через конкретику духа университета национальной самобытности, напрочь отсутствовавшей в средние века и затерянной в абстрактности мышления классической философии Просвещения. От обновленного университета требовалась *конкретика чувственной реальности*, умело размещенная в контексты универсального языка науки.

Университет, как рационализирующий национальные цели государства институт, с некоторой разницей в нюансах понимался однозначно именно так на всем протяжении XIX-XX вв. Средневековые сущности были в нем вытеснены современными смыслами и акцентом на национальную эмпирику языка и прикладном характере зна-

ний. Его исследовательские программы корректировались задачами национального прогресса, а образовательные планы были сориентированы на социальное производство национальных элит – через отработку их языка и, как следствие, стиля мышления. И такой модельно видоизмененный университет, хоть и, говоря словами Гумбольдта, никому ничем не был обязан, на самом деле мог существовать только в тени всевластного национального государства. Корректнее – в союзе с ним и в услужении ему.

В XX веке по мере укрепления и демократизации интеллектуальных слоев современного общества, западный – гумбольдтовский по типу – университет все больше идеологически и институционально продвигался в сторону нового символического *статуса главного оппонента властей*. Не играя в реальную политику, понимаемую как борьбу за власть, и используя свой главный ресурс легитимного «распорядителя» экспертным знанием, университет заметно «полевел» и вел непримиримую борьбу с правительствами за смыслы и ценности публичной, социальной и экономической политик. При этом университеты численно множилось, и в орбиту высшего образования включались громадные массы молодых людей. Университет полностью утратил былой ореол элитарности, превратился в «открытый» институт массового общества и прочно укрепился на новых позициях *монополиста и законодателя социальной критики*. Собственно, и выступления студенчества в конце 1960-х гг. стали яркой иллюстрацией этого университетского тренда.

При этом массовизация университетов, с одной стороны, и естественное удорожание высшего образования – с другой, поставили их в сложное социально-финансовое положение. Необходимость зарабатывать самим, меньше полагаясь на исключительную поддержку государства, толкала многие, особенно передовые, западные университеты к модели *предпринимательского университета* [6]. Да и в целом к трактовке высшего образования, скорее как рыночной услуги, чем просто общественно необходимого культурного воспроизводства. Однако однажды, вступив в пространство конкурирующих друг с другом субъектов, университеты начинают вести себя соответственно законам рынка – вырабатывать свой уникальный бренд и фирменный стиль, открывать «тайны» своих маркетинговых стратегий, а то и еще проще – цинично «приторговывать» дипломами и степенями. В результате там, где действуют законы «белого» рынка услуг, мы неизбежно сталкиваемся со спойлерами, предпочитающими играть только по правилам «черного» рынка. В итоге одни университеты ищут свою исключительность, все больше концентрируясь только на одной – образовательной миссии, другие же умудряются

некачественно и не всегда честно эксплуатировать свои образовательные лицензии, выступая поставщиками образовательного «ширпотреба».

При этом в любом случае сама номинация «университет» остается стандартной, «типовой», и в известном смысле - *тривиальной и рыночно недостаточной*. А возможно даже – в чем-то тормозящей его развитие. Все участники мировой сети университетов вступили в фазу жесткой глобальной конкурентной борьбы за свой имидж, символический капитал и рейтинговые показатели. Само собой, в такой борьбе годятся любые средства, если они работают на «правильные» стратегические цели. И мы вновь свидетельствуем *начало* очередного университетского «транзита».

Нейминг вместо номинации, или как дезинтегрируется институция

Сегодня простой номинации «университет», действительно, явно не хватает. Министерствам, конечно же, удобнее контролировать и управлять, если все учреждения высшего образования институционально стандартизированы. Но тогда у большинства из них закрыты пути для честной конкуренции, и как бы то ни было – выиграют те, кто ближе к властям и ресурсам. Государство же в свою очередь тоже жаждет конкуренции с другими странами в сфере высшего образования и любыми путями пытается продвинуть в топ-списки, прежде всего, своих «фаворитов». Для современных стран это не только вопрос престижа, но прибыльный бизнес на мировом студенчестве. Однако высоко рейтинговым вузом стать в условиях глобальной конкуренции весьма непросто, и удастся это в буквальном смысле – единицам.

И тогда семантическая работа с номинацией вновь становится востребованной, только сегодня она больше напоминает *маркетинговые игры с неймингом*, чем с сущностными моделями институтов высшего образования. И все это порождает у экспертов коллективное убеждение в тотальной деформации современного высшего образования. Пандемические условия последних нескольких лет лишь убеждает их в «правильности» этого диагноза.

Впрочем, как мне кажется, гипотеза о якобы происходящей в наши дни глобальной де-университизации, разумеется, пока остается лишь догадкой. Действительно ли, за ней скрывается тренд, точнее, ментальная «картина» меняющейся реальности? Однозначно не ответить. Безусловно, университеты перестали быть единственными институциями производства и подтверждения профессиональных компетенций. Но они давно утратили монополию на производство нового знания. В этом смысле предположение о де-университизации,

все же базируется на чем-то другом, и как мне кажется, на понимании сдвигов именно институционального порядка.

Не следует забывать, что гипотеза о де-университизации на руку сторонникам ускоренной цифровизации высшего образования, заинтересованным в том, чтобы сама номинация «университет» стала более «гибкой» и не обязательно отвечающей строгим организационным требованиям и стандартам. Для них желательно, чтобы в принципе любое начинание в области высшего интернет-образования можно было с легкостью именовать «университетом» без необходимости строгого институционального соответствия и подтверждения своего права на эту, ставшую уже традиционной, номинацию. И действительно, «игроки» в университетский нейминг все еще обходятся с исходной номинацией весьма осторожно. И все же.

Несложно увидеть, как в сегодняшнем публичном пространстве успешно функционируют разные образовательно-просветительские проекты, организованные в форме НКО, и при этом незатейливо именуются «университетами». Мало того, что эти стартапы не следуют исконной университетской образовательной ориентации, так они к тому же и не ставят никаких «классических» задач. Иными словами, всякую просветительскую организацию по распространению знаний сегодня легко можно назвать «университетом», а ее сотрудников «магистрами», а то и «профессорами». Но, увы, институциональная природа большинства таких начинаний не имеет ничего общего ни с формой, ни с идеей университета.

Все они – сугубо индивидуализированные частные инициативы, очень напоминающие нам частные «школы» до-университетской Европы XI-XII вв., легко создаваемые вокруг яркой фигуры ученого-оратора (*magister*)⁴ и также легко прекращавшие свое существование в силу разных причин. Сегодняшние просветительские или тренерские «университеты» могут организовываться вокруг одного лидера и небольшой группки единомышленников. И поскольку в них самих отсутствует внутренняя формализованная структура воспроизводства знания через фильтры с помощью не менее жестких процедур подтверждения компетенций, все эти псевдо-образовательные стартапы могут называться как угодно, на усмотрение своих устроителей. *Однако к классическим университетам они отношения не имеют.* Иными словами, в данном случае номинация не воспроизводит структуры известной из тысячелетней истории институциональной реальности ни в какой из ее модельных разновидностей.

⁴ Красочное описание тех далеких практик сохранилось в автобиографии Пьера Абеляра «История моих бедствий».

И все же чаще всего, они все предпочитают именоваться университетами, движимые, очевидно, вполне обоснованным всем предшествующим опытом стратегическим мотивом *легитимизироваться через номинацию*. Тем более что эта номинация по-прежнему престижна и как будто бы не нуждается в разъяснениях.

Я не подвергаю сомнению важную роль частных НКО в сегодняшнем секторе третичного образования. Классические университеты не всегда успевают за бегом времени, труднее перестраиваются, крайне редко ставят задачи по переквалификации или перепрофилированию, да и вообще страдают излишней «стандартизацией» программ и довольно редко их обновляют. Все эти задачи с легкостью решаются малыми образовательными группами третичного сектора. И поскольку они сами прекрасно понимают, насколько они действительно успешны и востребованы в публичном пространстве, им, естественно, хочется повысить свой публичный статус. Как? Очень просто: *за счет обращения к классической номинации*. И поскольку, к счастью, самоназвание «университет» в юридическом смысле пока не является запрещенным действием, то к нему весьма часто прибегают, не мудрствуя лукаво и не опасаясь никаких правовых или административных последствий.

Самозванные университеты, однако, сами того не подозревая, девальвируют номинацию, и она на глазах утрачивает былой символический вес, а то и *raison d'être*. Выражается же это в том, что в наименовании классических университетов, особенно в мировых рейтингах, все большее значение начинает приобретать его дополнительные смысловые атрибуты. И если раньше достаточно было жесткой топографической привязки (Московский, Парижский, Гарвардский университеты не случайно писались с большой буквы), то сегодня уже важнее указание на специализацию, направление, идентичность, а само слово «университет» при этом пишется как бы сбоку и с маленькой буквы, нередко опускается и совсем (например, университет «Высшая школа экономики», «Шанинка» или «Нефтегазовый» университет). В этих случаях предикат становится смысловым в отношении «голой» институциональной номинации.

Иными словами, *universitas* сегодня, по сути дела, перестал быть сам по себе творящим институциональную реальность. К нему апеллируют либо по инерции, либо под нажимом властей для «пуцевого контроля» или просто из соображений удобства. Словом, как говорят музыкологи, университет используется *ad libitum* («по желанию»).

Классическая номинация сохраняет свою силу либо только в случаях с самыми знаменитыми историческими университетами (типа Кэмбриджа, Оксфорда, Московского), либо с теми, кто включился

в гонку за высшие места в международных рейтингах, более того, добились успехов и образуют сегодня расширенные сети «флагманских» или так называемых «глобальных» университетов [7].

Впрочем, похоже, что государству уже недостаточно чистой, исходной номинации. Оно правом своей административной воли вводит новые, чаще всего – пустые и плохо приживающиеся «сложные» номинации. Подобно «успешным» или «опорным» университетам, значимость которых подтверждается формализованными количественными показателями лишь в бюрократических кругах, и гораздо в меньшей степени – на рынке образовательных услуг и в глобальном пространстве соперничества вузов за свой символический капитал.

«Устойчивый университет» – номинация, создающая новую реальность

Рубеж тысячелетий одновременно ознаменовал собой цивилизационный «приход» новой философии образования и университетской политики в мире. Речь идет о практически повсеместном торжестве концепции «устойчивого» университета – как подлинно общественного института. Не автономного и не самодостаточного, ни государственного, ни частного и ни сугубо инструментального, а исповедующего, прежде всего, социальную миссию по поддержанию публичного пространства и стимулированию гражданского общества. От университета отныне ожидается не только осуществление образовательной и научно-исследовательской функции, но и (1) «выращивание» гражданско-ориентированных и глобально ответственных молодых людей; а также (2) эффективное исполнение роли модератора низового взаимодействия между разными локальными акторами.

Главная интрига отныне заключается в том, *какая образовательно-философская парадигма возобладает* в ближайшем будущем. Она в свою очередь зависит от тех образов будущего, принципы и идеи которого мы исповедуем уже сегодня. И здесь различаются две модели: «хаотического» и «устойчивого» будущего.

Первая модель покоится сегодня на традиционной философии образования (социализация, репродуктивные схемы, общая подготовка и профессиональная специализация, рыночная ориентация образования, информационное насыщение под общий и партикулярный запросы). Иными словами, эта система высшего образования готовит человека к будущему, в то время как само будущее складывается спонтанно, непредсказуемо. Молодой человек готовится к встрече с его непрозрачным и невнятным будущим. Отсюда, понятно толкование его: (а) всей образовательной модели как «хаотичной» и (б) обучения в режиме «до востребования».

Вторая модель отталкивается, напротив, от более или менее ясного образа желаемого будущего и исходит из фундаментального для всей системы образования предположения, что это будущее создается через обучение не случайным образом, а в результате систематического накопления такого человеческого капитала, который, по сути, и определит облик и смыслы желаемого будущего.

Стратегия на достижение сбалансированного и устойчивого развития становится сейчас, пожалуй, единственно корректной и адекватной всем вызовам эпохи. Построение образа будущего в ее картине мира кардинальным образом отличается от привычного «поливариативного завтра», оно определено ответственностью сегодняшнего поколения перед потомками. Стратегия на его построение предполагает накопление человеческого капитала в сложной системе человек-общество-окружающий мир. И эту стратегию можно именовать *образованием во имя устойчивого развития*. В ней заново переосмыслены контексты человека и цивилизации, базовые приоритеты и ценности стратегического прогресса, роль переосмысленного «успеха» в общественной и частной жизни людей. Но самым главным мотивом развития концепции, безусловно, является желание неуклонно растущего числа людей сдвинуть наш мир с сегодняшнего деструктивного пути самоуничтожения и вернуть его в лоно дружественного сосуществования со всеми компонентами планетарной экосистемы. Могут ли это движение возглавить университеты? Да, если захотят. И если захотят, то их институциональный выбор будет сделан в пользу «устойчивого университета».

Переход к концепции устойчивого образования, как принято сегодня считать, означает парадигмальный *отказ от трансмиссивной роли образования в пользу трансформирующей* [11]. Всеобщий процесс обучения понимается отныне не только как передача знаний и навыков (трансмиссия), но и как накопление человеческого капитала, способного преобразовать жизненные миры (трансформация). Субъекты образовательной деятельности и университеты, в первую очередь, становятся главными преобразователями миров (контекстов). Новый человеческий капитал, разумеется, создается не с нуля, но в известной оппозиционности текущим практикам понимания и освоения мира, в том числе и тем, которые подчинены логике накопления «успеха ради самого успеха». Не секрет, что погоня университетов за рейтингами и значимыми количественными показателями подчинена этой ложной идеологии.

Перед человечеством чрезвычайно отчетливо, как никогда ранее, полагает, в частности, С. Стерлинг, открываются четыре альтернативы образовательного «ответа» на вызовы устойчивого разви-

тия: (а) не реагировать никак и продолжить классические традиции обучения; (б) адаптироваться к глобальным переменам и приспособливать к ним свои обучающие программы; (в) реформироваться, модифицируя образование в соответствии с духом и запросами времени; (г) трансформироваться, меняя свою образовательную философию и институциональную форму [11]. Выбор четвертой опции предполагает инновативное целеполагание, повторение на новом уровне известной логики эволюции университета: *от номинации к новой реальности*.

«Устойчивый университет» – главный игрок на поле устойчивого образования [8, 9, 10]. Устойчивое развитие мира предполагает фундаментальный транзит, а его носители – открытое сознание, широкий мировоззренческий горизонт, глобальное гражданство, ответственность за планетарный контекст жизни и благо будущих поколений [12, 18]. Но университеты – сложные и довольно консервативные организации, сопротивляющиеся всяким переменам. И если не удастся включить их в общий социальный контекст устойчивого развития, то вряд ли вообще стоит ожидать от них какого-либо участия в цивилизационном транзите. А для этого, очевидно, необходимо переосмыслить многое и, прежде всего, цели высшего образования.

Старая, отчасти наивная, модель подготовки молодых поколений к рынкам, хоть и является выражением преобладающих в глобальном обществе неолиберальных настроений, тем не менее, не выдерживает критики, ибо не предполагает никакого интереса в «цивилизационном качестве» выпускника и даже, скорее, наоборот, всячески «притупляет» его. Устойчивое же образование не ограничивается лишь профессионально-рыночной оценкой выпускника и переносит акценты на его общегражданское качество. И поскольку университеты, по сути, готовят будущие поколения «лиц, принимающих решения» в самых различных сферах жизнедеятельности, постольку и морально-философские свойства самого поколения выходят на передний план.

Иными словами, *концепция классического университета, как фабрики профессиональных компетенций, уступает место пониманию высшего образования, как креатора условий изменения человеческого капитала*. Университет сам создает контекст перемен, предопределяет их вектор и контент. А под эти задачи необходимо будет переосмыслить и компетенции университетского менеджмента и всего профессорско-преподавательского состава.

«Устойчивому университету» предстоит превратиться институционально в *глобальную площадку ценностного форсайта*. Такая формулировка проблемы позволит нам глубже понять процесс уни-

верситетской трансформации в общей логике цивилизационного транзита. Его новые роли продиктованы не традиционной адаптацией к прогрессу, а глобальными вызовами и локальными потребностями. Его заказчики и партнеры – будущие поколения и местные сообщества. Его цели сфокусированы на динамике человеческого капитала, формировании инновативных и морально ответственных лидеров. Создавая же обновленный человеческий капитал, он вносит тем самым свой важнейший вклад в цивилизационный транзит в целом.

«Устойчивый университет» принадлежит глокальным контекстам актуальной современности; он уже не объект государственной политики и не самодостаточная корпорация. Обретение им этой новой субъектности – его обновленная миссия. Он вписывается во все контексты перспективного развития и сам производит инновационные знаниевые и морально-философские контексты, где происходит вызревание будущего человеческого капитала во имя устойчивого развития. Из новой номинации родится новая реальность!

Список литературы

1. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.
2. *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. Изд. 2-е. М.: «ЛИБРОКОМ», 2012.
3. *Уваров П.Ю.* Университет // Словарь средневековой культуры. Под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН. 2003. С. 544-552.
4. *Уваров П.Ю., Полова Г.А.* Городские сообщества в Западной Европе в Средние века / Отв. ред. П.Ю.Уваров. М.: Индрик, 2018. 557 с.
5. *Шлейермахер Ф.* Нечаянные мысли о духе немецких университетов. М.: «Канон-плюс», 2018.
6. *Clarke B.* Creating Entrepreneurial Universities. Bingley: Emerald Group Publishing, 1998.
7. *Douglass J.A.* (Ed.) The New Flagship University. Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy. New York: Palgrave-Macmillan, 2016.
8. *Filho W.L., Zint M.* (Eds.) The Contribution of Social Sciences to Sustainable Development at Universities. Dordrecht: Springer, 2016.
9. *Jones P., Selby D., Sterling S.* (Eds.) Sustainability Education. Perspectives and Practice across Higher Education. London – New York: Routledge, 2010.
10. *M’Gonigale M., Starke J.* Planet U. Sustaining the World, Reinventing the University. Gabriola Island: New Society Publishers, 2006.

11. *Sterling S.* Sustainable Education. Re-visioning Learning and Change. Cambridge: Green Books for The Schumacher Society, 2001.

12. *Sterling S., Maxey L., L. Heather* (Eds.) The Sustainable University. Progress and Prospects. London – New York: Routledge, 2013.

